

Е. П. Блаватская

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЛА

Проблема происхождения зла может быть философски рассмотрена только в том случае, если за основу своих рассуждений мы возьмем архаические доктрины Индии. Лишь древняя мудрость способна дать удовлетворительное объяснение существованию вселенского зла. Согласно её учениям, рождение Космоса и эволюция жизни происходят вследствие раскола первоначального проявленного **единства** и превращения его во множественность или великую иллюзию формы. **Гомогенность** трансформируется в гетерогенность, что не может не создавать контрасты, отсюда возникает и то, что мы называем злом, господствующим ныне в нашей юдоли слез.

Материалистическая западная философия (как её неверно называют) не преминула воспользоваться этим великим метафизическим догматом. Даже материалистическая наука, с химией во главе, в последнее время со всей серьезностью обратилась к первой его части и сейчас пытается доказать на основе неопровержимой информации гомогенность первоначальной материи. Но теперь к этому процессу примешивается ещё и материалистический пессимизм — учение, которое не является в полном смысле слова ни философией, ни наукой, но скорее просто набором ничего не значащих слов. Пессимизм в его современной стадии перестал быть пантеистическим, но примкнул к материализму и теперь стремится извлечь для себя капитал из древнего индийского учения. Однако атеистический пессимизм — птица не очень высокого полета, ибо не поднимается выше физической гомогенной протоплазмы дарвинистов. Для него земля и материя — *ultima thule, prima materia*, за которой он видит лишь ужасающую пустоту, непроглядное ничто. Правда, некоторые пессимисты пытаются поэтизировать свои идеи на манер раскрашенных гробов или мексиканских покойников, чьи отвратительные губы и щеки покрывают толстым слоем румян. Но разложение проступает сквозь маску фальшивой жизни, несмотря на все усилия скрыть его от глаз живых людей.

Материализм теперь покровительствует индийским метафорам и образам. Так, из новой работы д-ра Мейнлендера на данную тему («Pessimism and Progress») мы узнаём, что индийский пантеизм и немецкий пессимизм суть *одно и то же* и что именно вследствие распада гомогенной материи на гетерогенную произошел переход от единообразия к полиформизму, приведший в итоге к образованию нашей несчастной Вселенной. Вот слова истинного пессимиста:

«Это (превращение) как раз и было той первоначальной ошибкой, тем *первородным грехом*, который весь мир искупает теперь своими тяжкими страданиями; этот грех, породивший всё живое, одновременно вверх свои творения в бездонную пропасть зла и страданий, выбраться из которой можно только одним способом — *прекратив существование*.»

Подобная интерпретация восточной формулировки, называющая единственным средством освобождения от страданий «прекращение существования» (идет ли речь о существовании целого Космоса или же отдельного индивида), в корне неверна. Восточный пантеист, чья философия указывает на необходимость различать истинное Бытие, или *Esse*, и обусловленное существование, вряд ли уверует в столь абсурдную идею и согласится с подобной безысходной альтернативой. Он понимает, что, выдавливая из себя по капле *танха* (неудовлетворенное стремление к существованию, или «желание жизни»), он постепенно избавляется от проклятия перерождений и *обусловленного существования*. Но он понимает также, что не может уничтожить или «прекратить»

собственную жизнь, исключая разве что внешнюю, поверхностную личность, что равносильно простой смене платьев. Веря в Единую Реальность, которая есть вечное *Бытие*, «беспричинная причина», из которой человек сам изгнал себя в мир формы, восточный пантеист считает своё временное прогрессирующее продвижение в состояние майи (изменчивости, или иллюзии) поистине величайшим злом; но в то же время осознаёт, что это естественный процесс, столь же неотвратимый, как муки рождения. Это единственный путь, следуя которым он может перейти от ограниченных и обусловленных жизней к жизни вечной, к абсолютному Бытию, столь ёмко передаваемому санскритским словом «Сат».

«Пессимизм» индусского или буддийского пантеиста носит метафизический, глубокомысленный и философский характер. Мысль о том, что материя и её изменчивые проявления являются источником и причиной вселенского зла, стара как мир, хотя впервые её конкретно сформулировал только Гаутама Будда. Но великий индийский реформатор наверняка не планировал превращать своё учение в спасательный круг, за который смог бы ухватиться впоследствии современный пессимист, или делать из него вешалку, на которую материалист навешивал бы свои извращенные и опасные догматы! Мудрец и философ, принеший себя в жертву человечеству тем, что *жил ради его спасения*, учил людей видеть в чувственном существовании материи одни лишь страдания, но в его пронизательный философичный ум никогда не приходила мысль о назначении премии за самоубийство; его усилия были направлены на то, чтобы освободить человечество от чрезмерной привязанности к жизни, ибо эта привязанность и есть главная причина себялюбия, а последнее в свою очередь — причина боли и страданий. Сам Будда являет для каждого из нас пример исключительной силы воли, но это была воля к жизни, а не к отказу от нее. Согласно его учению, зло будет существовать всегда, но оно существует *не в самой материи*, которая вечна, а только в создаваемых ею иллюзиях: в изменчивости и превращениях материи рождается жизнь, но эти изменения условны, и эта жизнь эфемерна. В то же самое время зло не только неотвратимо, но и необходимо. Ибо если мы можем отличать добро от зла и свет от тьмы и ценить первое, избегая второго, то только благодаря существованию контрастов между ними.

Мертвая буква философии Будды показывает нам только темную сторону вещей иллюзорного уровня жизни; но её эзотерическое прочтение, её скрытая душа отодвигают завесу, открывая архату всю славу **вечной жизни** в *полной гомогенности Сознания и Бытия*. Сие утверждение, несомненно, покажется представителям материалистической науки и даже современного идеализма очередной нелепостью, но для мудреца и эзотерического пантеиста это очевидный *факт*.

Краеугольная идея о происхождении и распространении зла вследствие прогрессирующего дробления некогда гомогенной материи, приобретающей вследствие этого форму и — по мере физического совершенствования этой формы — все более дифференцированную структуру, имеет эзотерическую сторону, о которой наверняка даже не подозревают современные пессимисты. Однако именно внешний её аспект издревле служил предметом теоретизирования для каждого думающего народа.

Даже в Индии изначально заложенная в основу рассматриваемого учения мысль была перевернута с ног на голову благодаря стараниям сектантов, что привело к появлению ритуалистических, чисто догматических доктрин хатха-йоги (в противоположность философизму ведантистской раджа-йоги). Языческие и христианские эзотерические спекуляции и даже средневековый монашеский аскетизм выбросили из некогда благородной идеи всё, что могли, чтобы привести её в соответствие со своими узколобыми сектантскими воззрениями. Их ложные представления о материи побудили

христианство с самых первых лет своего существования отождествить женщину со злом и материей, невзирая на то почтение, которое римско-католическая церковь испытывает к Святой Деве.

Но последнее неожиданное применение превратно понятого индийского учения, предложенное немецкими пессимистами, поистине, оригинальнее всего. В самом деле, всякие попытки провести аналогию между этим в высшей степени метафизическим учением и теорией Дарвина о физической эволюции на первый взгляд кажутся затеей абсолютно безнадежной; тем более что теория естественного отбора не предусматривает никакого прекращения *существования*, но, напротив, наводит на мысль о бесконечном поступательном движении *жизни* ко всё более сложным своим формам. И всё-таки германская изобретательность исхитрилась при помощи научных парадоксов и изрядного количества софистики придать этой теории сходство с философской истиной. И древняя индийская доктрина при этом в очередной раз угодила в лапы современного пессимизма. Счастливый автор гипотезы о том, что зло появилось на свет вместе с протоплазматической амёбой, разделившейся ради продолжения рода и нарушившей тем самым свою целомудренную гомогенность, ссылается в своей новой книге — не больше и не меньше — на авторитет древних арийских мудрецов. Восхваляя древнюю философию и глубину её концепций, он в то же время заявляет, что её следует рассматривать «как наиболее значительную и важную истину, *предвосхищенную и украденную* древними мудрецами у современного мышления»!!

Выходит так, что «современное мышление» ставит на одну доску глубочайший религиозный пантеизм индусских и буддийских философов и мимолетные капризы пессимистических материалистов, полностью их отождествляя. И того, что их разделяет непроходимая пропасть, похоже, никто не замечает. Никто не желает видеть, что пантеист не признаёт реальностью проявленный Космос, считая его всего лишь иллюзией собственных чувств, и потому необходимо рассматривает свое собственное существование тоже как скопление иллюзий. То есть, когда он говорит о способе избавления от страданий вещественной жизни, его мнение о природе этих страданий и мотивация его призывов к окончательному уходу из этой юдоли слёз полностью отличны от тех, которые пропагандирует пессимистический материалист. Для него (пантеиста) боль и страдания иллюзорны и происходят вследствие его собственной привязанности к этой жизни, продиктованной исключительно невежеством. Поэтому он стремится к вечной и неизменной жизни, к достижению абсолютного сознания в состоянии нирваны; в то время как европейский пессимист, принимая жизненное «зло» за *реальность*, мечтает (когда у него появляется время мечтать о чем-либо ином, кроме этих самых земных *реальностей*), по его собственным словам, о полном «прекращении существования». Для философа существует только одна реальная жизнь — *блаженство нирваны*, качественно отличающееся от всех имеющихся в проявленной Вселенной уровней сознания; пессимист же называет «нирвану» суеверием и отождествляет с «прекращением жизни», ибо жизнь для него начинается и заканчивается на земле; тогда как первый пренебрегает в своих духовных устремлениях даже первоначальным гомогенным единством, которым спекулируют теперь немецкие пессимисты. Философ знает и верит, что и у этого единства есть своя причина — вечная и *бессмертная*, ибо *она никем и ничем не сотворена* (иными словами, она не является результатом предыдущей эволюции). Следовательно, его усилия направлены на скорейшее воссоединение с этой первопричиной, возвращение в до-первоначальное состояние, возможное лишь после прохождения по иллюзорной дороге призрачных жизней с их нереальной фантазмагорией чувственных восприятий.

Подобный пантеизм может считать «пессимистическим» только тот, кто верит в персональное провидение; тот, кто готов противопоставить отрицанию реальности всего

«сотворенного», т.е. обусловленного и ограниченного, свою собственную слепую и нефилософичную веру. Восточный ум не пытается выискивать зло в каждом фундаментальном законе и проявлении жизни, он не рассматривает каждый феномен как неизбежное умножение зла (зачастую мнимого); восточный пантеист просто подчиняется неизбежному, но старается сбросить со своего жизненного пути как можно больше будущих «нисхождений в перевоплощение», избегая, по мере сил, создания новых *кармических* причин. Буддийскому философу известно, что продолжительность чередования жизней каждого человека (если только он не достигнет нирваны «намеренно» или, как говорят каббалисты, если он не «возьмет царство Божие силой») аллегорически представлена в виде истории о *сорока девяти днях*, проведенных Гаутамой Буддой под деревом Бо. А индусский мудрец знает, в свою очередь, что ему надлежит зажечь *первый* и погасить *сорок девятый огонь**, прежде чем он достигнет окончательного освобождения. Зная все это, мудрец и философ терпеливо ждут естественного часа своего освобождения; в то время как их злосчастный подражатель — европейский пессимист — всегда готов совершить самоубийство, которое с такой уверенностью пропагандирует. Не зная о том, что гидра существования имеет бесчисленное множество голов, он не может относиться к жизни с таким же философским презрением, с каким относится к смерти, и потому неспособен следовать мудрому примеру своих восточных братьев.

* Это эзотерическое положение, и потому неподготовленный читатель обнаружит в нем не очень много смысла. Но теософ, читавший «Эзотерический буддизм», без труда догадается, что *сорок девять* «дней» и *сорок девять* «огней» это 7, умноженное на 7, и поймет, что эта аллегория эзотерически указывает на семь последовательных человеческих коренных рас и семеричное деление каждой из них. Все монады рождаются в первой и освобождаются в последней, седьмой расе. Только Будда, как говорят, смог достичь освобождения в течение одной жизни.

Таким образом, философский пантеизм совершенно непохож на современный пессимизм. Если первый базируется на ясном понимании тайн бытия, то второй является по сути дела ещё одной толикой зла, добавленной нездоровой фантазией к уже существующему немалому запасу социальных зол. Строго говоря, это даже не философия, но просто систематизированная клевета на жизнь и бытие в целом, желчные излияния диспептика или неизлечимого ипохондрика. Так что никаких параллелей между этими двумя системами мышления нет и быть не может.

Побеги зла и страдания были несомненно первыми результатами и следствиями гетерогенности проявленной Вселенной. И всё же это только иллюзия, порождённая законом контрастов, являющимся, как уже было сказано, одним из фундаментальных законов природы. Ни добро, ни зло не могли бы существовать, если бы взаимно не освещали друг друга своим светом. Рассматривая *Бытие* во всех его формах как источник контрастов с самого Сотворения Мира и учитывая тот факт, что зло преобладает во Вселенной благодаря эго-изму или себялюбию, можно прийти к буквальному восприятию образной восточной метафоры, согласно которой существование есть акт искупления ошибки природы; и вследствие этого человеческая душа (*psyche*) начинает рассматриваться как козел отпущения или жертва *бессознательной сверх-души*. Но этот вывод должен подталкивать человека не к пессимизму, а к мудрости. В жертву должно быть принесено только невежество, тогда как знание должно подчинить естественный пессимизм своей абсолютной власти. Однако постепенно, в процессе накопления наследственности или атавизмов, последний входит в плоть и кровь человека.

Пессимизм всегда присутствует в нас, каким бы тихим и незаметным он ни был поначалу. Даже среди первых радостей существования, когда нас переполняют жизненные энергии юности, мы склонны при первых же признаках страдания, перед лицом мелких неудач или

при появлении чёрной тучи на нашем горизонте обвинять жизнь во всех своих бедах, называть её обузой и даже проклинать наше бытие. Всё это свидетельства присутствия пессимизма у нас в крови, и в то же время — присутствия плодов невежества. По мере умножения человечества умножаются и страдания, в мире становится всё больше боли и скорби, что является закономерным результатом численного роста вырабатывающих их индивидов. Мы живем в атмосфере мрака и отчаяния, но только потому, что наши глаза опущены вниз и взоры прикованы к земле со всеми её физическими и чисто материальными проявлениями. Но если вместо этого человек на своём жизненном пути будет глядеть не в небо, поскольку это всего лишь красивая метафора, но *в себя самого*, сосредоточившись на своем *внутреннем* мире, то сможет вскоре освободиться от удушающей хватки огромной змеи, имя которой — иллюзия. И тогда его жизнь — с колыбели и до могилы — не будет казаться невыносимой и бессмысленной даже в самые чёрные минуты.

Пессимизм — хроническая подозрительность, побуждающая человека повсюду предчувствовать затаившееся зло, имеет двойственную природу и потому приносит плоды двух сортов. Являясь естественным свойством каждого физического человека, он становится проклятием только для невежд. Но для человека одухотворённого он становится благом, так как побуждает его искать истинный путь, открывая ему с течением времени одну фундаментальную истину: всё в этом мире носит *подготовительный* характер, ибо всё в нем — бrenно. Пессимизм подобен отдушине в стене мрачной темницы земной жизни, сквозь которую внутрь пробивается лучик света из дома вечности, лучик, который, озаряя наши *внутренние* чувства, шепчет несчастному узнику о тайне происхождения и двойственности его бытия. В то же время это — невысказанный намек на присутствие в человеке того, *кто всегда знал и знает* о существовании иной, лучшей жизни, ожидающей нас после того, как проклятие земных жизней будет исчерпано до конца.

Данное объяснение проблемы и происхождения зла носит, как уже было сказано, чисто метафизический характер и потому не имеет ничего общего с физическими законами. Оно связано исключительно с духовной составляющей человека, и потому необдуманное его восприятие может оказаться опаснее, чем даже полное его незнание. Лежащее в самом основании этики Гаутамы Будды, но попавшее ныне в руки современных филистеров от материализма, оно может стать жертвой смешения двух систем пессимистического мышления, что в свою очередь может привести к ментальному самоубийству, если не хуже.

Восточная мудрость учит, что дух должен пройти через испытание воплощением и жизнью и принять крещение материей, чтобы обрести опыт и знание. Только после этого он сможет приобщиться к духовному крещению или самоосознанию, возвращающему его в исходное состояние божественности, на сей раз *дополняемое* накопленным опытом, благодаря которому дух получает новое качество — всеведение. Иными словами, дух может вернуться в состояние изначальной гомогенности первоисходного вещества не иначе как обогащённый плодами кармы, ибо это единственный способ создать абсолютно *сознательное* божество, лишь на одну ступень отстоящее от абсолютного **всего**.

Библия содержит недвусмысленные указания на то, что зло существовало задолго до Адама и Евы, и, следовательно, на них никак не может лежать проклятие первородного греха. Ибо если бы до их появления в мире не было ни зла, ни греха, то откуда бы тогда взялся змий-искуситель или же Древо Познания *добра и зла* в саду эдемском. Свойства этой яблони наглядно описаны в том стихе, где говорится о грехопадении Адама и Евы, вкусивших ее запретного плода: «И открылись глаза у них обоих, и *узнали они*» многое,

помимо того, что наги. Таким образом, слишком большое знание о материальных вещах вполне справедливо названо злом.

Но как бы то ни было, наш долг — всесторонне изучить новоявленную опасную теорию и разоблачить её. До сих пор пессимизм пребывал в сфере философии и метафизики, даже не пытаясь вторгаться во владения чисто физических наук, к числу которых, безусловно, принадлежит дарвинизм. Теория эволюции приобрела ныне практически всеобщее распространение, и нет теперь такой школы (за исключением воскресных и миссионерских), где она не преподавалась бы с теми или иными модифицирующими отступлениями от первоначальной программы. Но с другой стороны, ни одно учение не подвергается таким злоупотреблениям и не притягивается за уши ко всевозможным околонучным рассуждениям с большим проворством, нежели теория эволюции; данное утверждение особенно справедливо для тех случаев, когда фундаментальные законы эволюции привлекаются для решения сложнейшей и в высшей степени абстрактной проблемы многогранного человеческого существования. Там, куда «боятся ступить» психология и даже философия, материалистическая биология орудует кувалдою поверхностных аналогий и предвзятых умозаключений. И хуже всего то, что, считая человека всего лишь высшим животным, она утверждает его неоспоримую и полную принадлежность к сфере эволюционистской науки. Но теперь парадоксы в этой сфере уже не накапывают мелким дождичком, но льются на головы учёных, как из опрокинутого ведра. «Человек — мерило всех вещей», но в то же время измеряется и анализируется по той же самой схеме, что и животное. Один немецкий материалист называет духовную и психическую эволюцию законной собственностью физиологии и биологии, полагая, что только через разгадку тайн эмбриологии и зоологии можно решить проблему человеческого сознания и происхождения его души*. Другой находит оправдание самоубийцам в том, что они якобы следуют примеру животных, которые, устав от жизни, до смерти морят себя голодом**.

*

Геккель.

** Лео Бах.

До сих пор у пессимизма, невзирая на изобилие и величие его парадоксов, была одна явно слабая сторона, а именно: отсутствие сколь бы то ни было реального и очевидного базиса, на который он мог бы опереться. У его последователей не было никакой достаточно жизнеспособной направляющей мысли, которая служила бы им маяком, помогающим счастливо избежать всех — реальных и воображаемых — подводных мелей и рифов человеческой жизни, столь щедро рассеянных повсюду ими самими в виде обвинений, каковые они выдвигают в адрес жизни и бытия. Всё, что они могли до сих пор, — это полагаться на авторитет своих ведущих представителей, нашедших для себя весьма оригинальное (хотя и бесполезное) занятие — увязывать всё существующее в жизни многообразное зло с метафизическими концепциями великих немецких мыслителей, таких, как Шопенгауэр и Гартманн (они делали это с самозабвением маленьких мальчиков, которые подвязывают разноцветные хвостики к воздушным змеям своих старших товарищей, чтобы потом порадоваться, глядя на них в воздухе). Но теперь их программа существенным образом меняется. Пессимисты нашли себе поддержку гораздо более солидную и авторитетную (хотя и не столь философичную), нежели привязывание своих жалоб и стенаний к метафизическим *воздушным змеям* Шопенгауэра. Те дни, когда они соглашались со взглядами этого философа, называвшего вселенскую **ВОЛЮ** главным виновником всего мирового зла, ушли безвозвратно. Не устраивает их более и туманная концепция «бессознательного» фон Гартманна. Пессимисты настойчиво искали более благоприятную и менее метафизическую почву для возведения здания своей пессимистической *философии*, и старания их увенчались успехом — теперь причину

вселенского страдания они видят в фундаментальных законах физического развития. Зло уже не связывается с непонятным и сомнительным фантомом, именуемым «волей», но удостоверяется очевидными и неоспоримыми научными фактами: отныне пессимистов будут тащить за собою на буксире эволюционисты. Их основной аргумент мы уже привели в самом начале статьи. Вселенная и всё, что в ней есть, возникло вследствие «раскола первоначального единства и превращения его во множественность». И, как я уже говорила, это не совсем точное изложение индийского учения отнюдь не вызывает в мозгах у пессимиста ассоциации с Единым, с ведантистской абстракцией — Парабрахмом; в противном случае я ни за что не применила бы здесь термин «раскол». Не думает пессимист в этот момент и о Мулапракрити, или «завесе» Парабрахма; более того, он не помышляет даже о первоначальной проявленной материи (в лучшем случае — он может лишь логически вывести её существование), что следует из толкования д-ра Мейнлендера, но связывает сие Единое главным образом с земной *протоплазмой*. Дух божества в данном случае полностью игнорируется; и очевидно, что происходит это вследствие необходимости представить весь мир «законной собственностью физической науки».

Одним словом, мы имеем дело с утверждением, что освещенное веками учение, оказывается, проистекает из теории, согласно которой «все ныне существующие животные и растения и все организмы, когда-либо жившие на земле», развились с течением времени из «нескольких, а возможно, даже одной-единственной простейшей формы» (Дарвин). Индусский философский догмат, — говорят нам, — подтверждается и объясняется вполне научной аксиомой. Что же это за аксиома? А вот послушайте: наука утверждает, что цепь превращений, через которые проходит каждый зародыш — семя, из которого произрастает дерево, или яйцеклетка, развивающаяся в живое существо, представляет собою ни что иное, как постепенный переход от первоначальной, гомогенной материи этого зародыша к более сложной, гетерогенной форме. Таким образом, индийское учение подтверждается научной теорией эволюционизма и отождествляется с этой теорией, что, разумеется, очень почетно для древней мудрости, оказавшейся достойной современного материалистического мышления.

Философская доктрина, поясняет наш пессимист, не просто подтверждается процессом индивидуального роста и развития различных организмов, но и наглядно иллюстрируется им как в общем и целом, так и во всех своих деталях. Её истинность доказывается как эволюцией и ростом нашей собственной планеты, так и аналогичными процессами в масштабах всей Вселенной. Словом, рождение и развитие органического мира в его всеобъемлющей полноте свидетельствуют в пользу древней мудрости. Наукой установлено, что органический мир — от универсалий до частных — подчинен одному и тому же закону прогрессирующего усложнения, закону перехода от единства к множественности как «фундаментальной схеме эволюции жизни». Даже эволюция народов, социальных отношений и общественных институтов, развитие языков, наук и искусств суть неизбежные и фатальные следствия вездесущего закона «раскола единства и превращения его во множественность, перехода от гомогенности к полиформизму».

Но, соглашаясь на словах с индийской мудростью, наш автор интерпретирует фундаментальный закон природы на свой собственный лад, при этом немилосердно искажая его. Для него этот закон одинаково применим также и к историческим судьбам человечества. По его мнению, эти судьбы тоже подчинены и служат подтверждением истинности индийской концепции. Он полагает, что человечество во всей своей совокупности всё больше и больше отдаляется (по мере своего развития и эволюционного продвижения, сопряженного с дроблением на части, каждая из которых становится особой и независимой составляющей некогда единого целого) от своего изначального —

здорового и гармоничного — состояния. Каждый новый виток усложнения социальной структуры и общественных отношений, равно как и индивидуального бытия, ведет к уменьшению жизненной силы, угасанию энергии чувств и разрушению первичного единства, без которого невозможна внутренняя гармония. А отсутствие этой гармонии порождает в свою очередь внутренний дисбаланс, который становится причиной величайшего умственного убожества. Таким образом, зло коренится в самой природе жизненной эволюции, предусматривающей усложнение. И каждый шаг вперед вызывает в виде побочного эффекта дополнительное рассеивание энергии, что неизбежно ведет к пассивной апатии. Таков, по его словам, неотвратимый результат каждого прогрессирующего усложнения жизни, ибо эволюция, или развитие, есть ни что иное, как переход от гомогенного к гетерогенному, распыление целого во множестве и т. д., и т. п. И этот ужасный закон универсален, т.е. распространяется на всех созданий — от бесконечно малых до человека включительно, поскольку закон этот, как признает сам автор, является одним из фундаментальных законов природы.

Но именно этот односторонний взгляд на физическую природу, предлагаемый нам германским автором, ни словом не обмолвившись о её духовном и психическом аспекте, заключает в себе смертный приговор для всей созданной им школы. Ибо важно не то, применим ли вышеупомянутый закон дифференциации и его фатальных последствий к тем или иным примерам роста и развития различных видов животных и даже самого человека, но то, является ли этот закон, положенный в основу и служащий главным аргументом в пользу новой теории пессимистической школы, в действительности фундаментальным и *универсальным*? Мы желаем доподлинно знать: охватывает ли данная схема эволюции весь процесс развития и роста, на всех его этапах и во всей его совокупности, и правомерно ли признание этого процесса единоличной собственностью физической науки? И если вся его суть действительно заключается «единственно лишь в переходе от гомогенного состояния к гетерогенному», как это утверждает Мейнлендер, то остается ещё доказать, что именно этот процесс является подлинным творцом «тех сложных комбинаций тканей и органов, которые создают совершенную форму животного или растения».

Но, как уже отмечали некоторые критики «Пессимизма и прогресса», наш немецкий пессимист ни на йоту не сомневается в том, что исследует эволюцию во всей её полноте. Его открытие и всё учение «основывается на уверенности в том, что развитие и фундаментальный закон прогрессирующего усложнения структуры заключаются только в одном: в трансформации единства во множественность». А отсюда и отождествление эволюции с ослаблением и упадком, с постепенным угасанием всех сил и энергий.

Мейнлендер был бы абсолютно прав в своих аналогиях, если бы этот закон дифференциации гомогенного в гетерогенное действительно был фундаментальным законом жизненной эволюции. Но подобное предположение выглядит ошибочным как с метафизической, так и с физической точки зрения. Эволюция никогда не протекает по прямой линии, как, впрочем, и *любой другой* природный процесс, но продвигается *циклически* — так же как и всё остальное. Циклические змеи кусают свои собственные хвосты, подражая Змею Вечности. И в этом индийское учение (относящееся к Тайной Доктрине) действительно подтверждается естественными науками, и в особенности — биологией.

Вот что сообщает нам в своих «Научных Письмах» анонимный русский критик.

«В эволюции отдельных индивидов, в эволюции органического мира и всей Вселенной, равно как и в процессе роста и развития нашей планеты — словом, повсюду, где имеет

место прогрессирующее усложнение структуры в той или иной форме, мы наблюдаем, помимо перехода от единства к множественности и от гомогенности к гетерогенности, также и *обратный переход — от множественности к единству и от гетерогенного к гомогенному...* Скрупулезные исследования упомянутого процесса прогрессирующего усложнения показали, что, наряду с дроблением на части, в природе наблюдается также и процесс взаимного поглощения последних... В то время как одна часть клеток, сливаясь друг с другом и превращаясь в единое целое, образует мускульные волокна и мускульную ткань, другие клетки поглощаются костной и нервной тканью и т.д., и т.п. То же самое можно сказать и о формировании структуры растений...»

И если это так, то мы можем утверждать, что материальная природа подчиняется тому же самому закону, который управляет эволюцией психического и духовного, нисходящих в материальный мир лишь затем, чтобы снова вознестись и слиться воедино в исходной точке. *Гомогенная созидательная масса, или стихия, дифференцируется и постепенно преобразуется в гетерогенную, но затем, приведя свои составные части в единое гармоничное целое, начинает обратный процесс — реинволюцию, так же постепенно возвращаясь в свое исходное, первоначальное состояние.*

Вряд ли пессимизм может рассчитывать на сколь-нибудь серьезную поддержку со стороны чистого материализма, поскольку последний до сих пор отличался явно оптимистической направленностью. Разумеется, его ведущие представители никогда не скупались на насмешки в адрес теологических восторгов по поводу «славы Божьей и всех трудов его». Бюхнер язвительно отзываясь о пантеисте, который видит в этом «безумном» мире проявление Абсолюта. Но в целом материалисты признают равновесие между добром и злом, возможно, потому, что этот тезис служит им защитой от «суеверной» привычки искать и надеяться на какую-то лучшую жизнь. Каким бы узким ни был их кругозор и ограниченным их духовный горизонт, все же естественный ход вещей не приводит их в отчаяние; тогда как *пантеистический* пессимист неизменно настаивает на том, что отчаяние является единственной закономерной реакцией мыслящего существа на атеистическое отрицание.

Разумеется, этот вывод является для него аксиомой или, по крайней мере, должен быть таковой. Если «надежда не распространяется за пределы этой жизни», то трагедия бытия сводит на нет всякую мыслимую *raison d'etre* и дальнейшее продолжение жизненной драмы становится столь же глупым, сколь и бесполезным.

Тот факт, что пессимистические выводы проникли наконец в сочинения некоторых материалистических авторов, есть закономерное следствие распространившегося ныне образа мышления, еще одно знамение времени. Он служит наглядной иллюстрацией трюизма о том, что созданную современным научным нигилизмом пустоту не в силах заполнить ни один холодный прогноз, предлагаемый ныне оптимистам в качестве *компенсации*. Контеанский* «энтузиазм человечества» поистине является довольно слабым утешением, коль скоро ему суждено исчезнуть вместе с расой, что неизбежно произойдет, когда «солнечные огни постепенно погаснут», если, конечно, это *вообще* может произойти в обозримом будущем (к радости физической науки, чьи прогнозы в этом случае блестяще подтверждаются). Если все существующие несчастья и страдания и вся жесточайшая борьба за существование с сопутствующими ей ужасами в конечном счете ни к чему не ведут, если **человек** — только *эфемер*, игра слепых сил, то для чего тогда продолжать весь этот фарс? «Беспрестанное вращенье жерновов материи, силы и закона», оказывается, всего лишь приближает бесчисленные человеческие толпы к вечному забвению, где от них не останется ни памяти, ни следа, ибо весь мир обречен на возвращение в состояние огненного тумана, из которого он когда-то вышел. Земная жизнь

не есть вещь в себе. Она окутана болью и мраком. Так стоит ли удивляться тому, что слепая душа нигилиста тяготеет к пессимизму Шопенгауэра, отворачиваясь от беспочвенного оптимизма Штраусса и его последователей, напоминающего ему животный восторг молодого осла, только что основательно закусившего чертополохом?!

* Огюст Конт (1798-1857) — французский философ, один из основателей позитивизма и социологии. Позитивизм рассматривал как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом. — *Прим. ред.*

Как бы то ни было, ясно одно: необходимо найти некое объяснение, которое охватывало бы все факты существования, оправдывая их оптимистическое восприятие. Современное Общество проникнуто всё возрастающим цинизмом и отравлено отвращением к жизни. Таков результат абсолютного незнания закономерностей действия кармы и природы эволюции души. Лишь благодаря неразумной приверженности догмам механистической и в значительной мере ложной теории эволюции пессимизм смог подняться на незаслуженно большую высоту. Но тот, кто хорошо усвоил основы Великого Закона (а философия вряд ли может предложить для такого усвоения и поиска всеобъемлющего объяснения нечто лучшее, нежели эзотерическая доктрина великих индийских мудрецов), не видит никакого *locus standi* недавних исправлений, внесенных в систему мышления Шопенгауэра или в метафизические хитросплетения этого «философа бессознательного». Разумность *осознанного* существования может быть доказана только на основе изначальной — ныне эзотерической — философии. А согласно последней, «нет ни смерти, ни жизни, ибо и то, и другое — иллюзия; единственная реальность — это бытие (или *существование*)». Этот парадокс повторил тысячелетия спустя один из величайших из всех когда-либо живших физиологов. «Жизнь — это смерть», — сказал Клод Бернар. Организм живет благодаря тому, что отдельные его части постоянно отмирают. И в основе учения о выживании наиболее приспособленного, безусловно, лежит именно этот трюизм. Жизнь вышестоящего целого требует смерти нижестоящего, зависит от смерти составляющих его и подчиненных ему частей. И коль скоро жизнь — это смерть, то смерть — это жизнь, ибо весь великий цикл жизней составляет **единое существование**, *найхудшим из этапов которого является наша планета.*

Тот, кто **знает**, поймет, о чем идет речь. Ибо рано или поздно для каждого существа наступает заря, когда Знание освобождает его из плена иллюзии и невежества; и тогда прозревший с *полным пониманием* и предельной убежденностью сможет заявить в лицо Махамайе:

Разрушен дом твой и расколота опора его!
Создала его иллюзия.
Невредимым выхожу оттуда, чтобы обрести освобождение*

* Э. Арнольд, «Свет Азии», окончание книги VI — *Прим. ред.*

Перевод Ю. Хатунцева